

Владимир Галактионович Короленко

Река играет

Владимир Короленко

Река играет

«Public Domain»

1891

Короленко В. Г.

Река играет / В. Г. Короленко — «Public Domain», 1891

«Проснувшись, я долго не мог сообразить, где я. Надо мной расстилалось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее облако. Закинув несколько голову, я мог видеть в вышине темную деревянную церковку, наивно глядевшую на меня из-за зеленых деревьев, с высокой кручи. Вправо, в нескольких саженьях от меня, стоял какой-то незнакомый шалаш, влево – серый неуклюжий столб с широкою дощатою крышей, с кружкой и с доской, на которой было написано...»

Содержание

I	5
II	7
III	8
IV	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Короленко

Река играет

Эскизы из дорожного альбома

I

Проснувшись, я долго не мог сообразить, где я.

Надо мной расстилось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее облако. Закинув несколько голову, я мог видеть в вышине темную деревянную церковку, наивно глядевшую на меня из-за зеленых деревьев, с высокой кручи. Вправо, в нескольких саженьях от меня, стоял какой-то незнакомый шалаш, влево – серый неуклюжий столб с широкою дощатою крышей, с кружкой и с доской, на которой было написано:

Пожертвуйте проходящий на колоколо господне.

А у самых моих ног плескалась река.

Этот-то плеск и разбудил меня от сладкого сна. Давно уже он прорывался к моему сознанию беспокоящим шепотом, точно ласкающий, но вместе беспощадный голос, который подымает на заре для неизбежного трудового дня. А вставать так не хочется...

Я опять закрыл глаза, чтоб отдать себе, не двигаясь, отчет в том, как это я очутился здесь, под открытым небом на берегу плещущей речки, в соседстве этого шалаша и этого столба с простодушным обращением к проходящим.

Понемногу в уме моем восстановились предшествующие обстоятельства. Предыдущие сутки я провел на Святом озере, у невидимого града Китежа, толкаясь между народом, слушая гнусавое пение нищих слепцов, останавливаясь у импровизованных алтарей под развесистыми деревьями, где беспоповцы, скитники и скитницы разных толков пели свои службы, между тем как в других местах, в густых кучках народа, кипели страстные религиозные споры. Ночь я простоял всю на ногах, сжатый в густой толпе у старой часовни. Мне вспомнились утомленные лица миссионера и двух священников, кучи книг на аналое, огни восковых свечей, при помощи которых спорившие разыскивали нужные тексты в толстых фолиантах, возбужденные лица «раскольников» и «церковных», встречавших многоголосым говором каждое удачное возражение. Вспомнилась старая часовня с раскрытыми дверями, в которые виднелись желтые огоньки у икон, между тем как по синему небу ясная луна тихо плыла и над часовней, и над темными, спокойно шептавшимися деревьями. На заре я с трудом протолкался из толпы на простор и, усталый, с головой, отяжелевшей от бесплодной схоластики этих споров, с сердцем, сжимавшимся от безотчетной тоски и разочарования, – поплелся полевыми дорогами по направлению к синей полосе приветлужских лесов, вслед за вереницами расходившихся богомольцев. Тяжелые, нерадостные впечатления уносил я от берегов Святого озера, от невидимого, но страстно взыскуемого народом града... Точно в душном склепе, при тусклом свете угасающей лампадки, провел я всю эту бессонную ночь, прислушиваясь, как где-то за стеной кто-то читает мерным голосом заупокойные молитвы над заснувшей навеки народною мыслью.

Солнце встало уже над лесами и водами Ветлуги, когда я, пройдя около пятнадцати верст лесными тропами, вышел к реке и тотчас же свалился на песок, точно мертвый, от усталости и вынесенных с озера суровых впечатлений.

Вспомнив, что я уже далеко от них, я бодро отряхнулся от остатков дремоты и привстал на своем песчаном ложе.

II

Дружеский шепот реки оказал мне настоящую услугу. Когда, часа три назад, я укладывался на берегу, в ожидании ветлужского парохода, вода была далеко, за старую лодкой, которая лежала на берегу кверху днищем; теперь ее уже взмывало и покачивало приливом. Вся река торопилась куда-то, пенилась по всей своей ширине и приплескивала почти к самым моим ногам. Еще полчаса, – будь мой сон еще несколько крепче, – и я очутился бы в воде, как и эта опрокинутая лодка.

Ветлуга, очевидно, разыгралась. Несколько дней назад шли сильные дожди: теперь из лесных дебрей выкатился паводок, и вот река вздулась, заливая свои веселые зеленые берега. Резвые струи бежали, толкались, кружились, свертывались воронками, развивались опять и опять бежали дальше, отчего по всей реке вперегонку неслись клочья желтовато-белой пены. По берегам зеленый лопух, схваченный водою, тянулся из нее, тревожно размахивая не потонувшими еще верхушками, между тем как в нескольких шагах, на большой глубине, и лопух, и мать-мачеха, и вся зеленая братия стояли уже безропотно и тихо... Молодой ивняк, с зелеными нависшими ветвями, вздрагивал от ударов зыби.

На том берегу весело кудрявились ракиты, молодой дубнячок и ветлы. За ними темные ели рисовались зубчатою чертой: далее высились красивые осоко́ри и величавые сосны. В одном месте, на вырубке, белели кладки досок, свежие бревна и срубы, а в нескольких саженьях от них торчала из воды верхушка затонувших перевозных мостков... И весь этот мирный пейзаж на моих глазах как будто оживал, переполняясь шорохом, плеском и звоном буйной реки. Плескались шаловливые струи на стрежне, звенела зыбь, ударяя в борта старой лодки, а шорох стоял по всей реке от лопавшихся то и дело пушистых клочьев пены, или, как ее называют на Ветлуге, речного «цвету».

И казалось мне, что все это когда-то я уже видел, что все это такое родное, близкое, знакомое: река с кудрявыми берегами и простая сельская церковка над кручей, и шалаш, даже приглашение к пожертвованию на «колоколо господне», такими наивными каракулями глядевшее со столба...

Все это уж было когда-то,
Но только не помню когда... —

невольно вспомнились мне слова поэта.

III

– Гляжу я, братец, вовсе тебя заплескивает река-те. Это домой ходил. Иду назад, а сам думаю: чай, проходящего-те у меня поняла уж Ветлуга. Крепко же спал ты, добрый человек!

Говорит сидящий у шалаша на скамеечке мужик средних лет, и звуки его голоса тоже мне как-то приятно знакомы. Голос басистый, грудной, немного осипший, будто с сильного похмелья, но в нем слышатся ноты такие же непосредственные и наивные, как и эта церковь, и этот столб, и на столбе надпись.

– И чего только делает, гляди-кося, чего только делает Ветлуга-то наша... Ах ты! Беды ведь это, право беды...

Это перевозчик Тюлин. Он сидит у своего шалаша, понутив голову и как-то весь опустившись. Одет он в ситцевой грязной рубахе и синих пестрядинных портах. На босу ногу надеты старые отопки. Лицо молодежское, почти без бороды и усов, с выразительными чертами, на которых очень ясно выделяется особая ветлужская складка, а теперь, кроме того, видна сосредоточенная угрюмость добродушного, но душевно угнетенного человека...

– Унесет у меня лодку-те... – говорит он, не двигаясь и взглядом знатока изучая положение дела. – Беспременно утащит.

– А тебе бы, – говорю я, разминаясь, – вытащить надо.

– Коли не надо. Не миновать, что не вытащить. Вишь, чего делает, вишь, вишь... Н-ну!

Лодка вздрагивает, приподнимается, делает какое-то судорожное движение и опять беспомощно ложится по-прежнему.

– Тю-ю-ю-ли-ин! – доносится с другого берега призывной клич какого-то путника. На вырубке, у съезда к реке, виднеется маленькая-маленькая лошаденка, и маленький мужик, спустившись к самой воде, отчаянно машет руками и вопит тончайшею фистулой: – Тю-ю-ю-ли-ин!..

Тюлин все с тем же мрачным видом смотрит на вздрагивающую лодку и качает головой.

– Вишь, вишь ты – опять!.. А вечер еще, гли-кося, дальше мостков была вода-те... Погляди, за ночь чего еще наделат. Беды, озорная речушка! Это учнет играть и учнет играть, братец ты мой...

– Тю-ю-ю-ли-ин, леш-ша-ай! – звенит и обрывается на том берегу голос путника, но на Тюлина этот призыв не производит ни малейшего впечатления. Точно этот отчаянный вопль – такая же обычная принадлежность реки, как игривые всплески зыби, шелест деревьев и шорох речного «цвету».

– Тебя ведь это зовут! – говорю я Тюлину.

– Зовут, – отвечает он невозмутимо, тем же философски-объективным тоном, каким говорил о лодке и проказах реки. – Иванко, а Иванко! Иванко-о-о!

Иванко, светловолосый парнишка лет десяти, копает червей под крутояром и так же мало обращает внимания на зов отца, как тот – на вопли мужика с того берега.

В это время по крутой тропинке от церкви спускается баба с ребенком на руках. Ребенок кричит, завернутый с головой в тряпки. Другой – девочка лет пяти – бежит рядом, хватаясь за платье. Лицо у бабы озабоченное и сердитое. Тюлин становится сразу как-то еще угрюмее и серьезнее.

– Баба идет, – говорит он мне, глядя в другую сторону.

– Ну? – говорит баба злобно, подходя вплоть к Тюлину и глядя на него презрительным и сердитым взглядом. Отношения, очевидно, определились уже давно: для меня ясно, что беспечный Тюлин и озабоченная, усталая баба с двумя детьми – две воюющие стороны.

– Чё еще нукаешь? Что тебе, бабе, нужно? – спрашивает Тюлин.

– Чё-инó, спрашивает еще... Лодку давай! Чай, через реку ходу-то нету мне, а то бы не стала с тобой, с путаником, и баить...

– Ну-ну! – с негодованием возражает перевозчик. – Что ты какá сильна пришла. Разговаривашь...

– А что мне не разговаривать! Залил шары-те... Чего только мир смотрит, пьяницы-те наши, давно бы тебя, нёгодя пьяного, с перевозу шугнуть надо. Давай, слышь, лодку-те!

– Лодку? Эвон парень тебя перемахнет... Иванко, а Иванко, слышь? Иванко-о!.. А вот я сейчас вицей его, подлеца, вытяну. Слышь, проходящий!..

Тюлин поворачивается ко мне.

– Ну-ко ты мне, проходящий, вицю дай, хар-ро-шую!

И он, с тяжелым усилием, делает вид, что хочет приподняться. Иванко мгновенно кидается в лодку и хватает весла.

– Две копейки с нее. Девку так! – командует Тюлин лениво и опять обращается ко мне: – Беда моя: голову всеё разломило.

– Тю-ю-ли-ин! – стонет опять противоположный берег. – Перево-о-óз!..

– Тятка, а тятка! Паром кричат вить, – говорит Иванко, у которого, очевидно, явилась надежда на освобождение от обязанности везти бабу.

– Слышу. Давно уж зеват, – спокойно подтверждает Тюлин. – Сговорись там. Может, еще и не надо ему... Может, еще и не поедет... Отчего бы такое голову ломит? – обращается он опять ко мне тоном самого трогательного доверия.

Угадать причину нетрудно: от бедняги Тюлина водкой несет, точно из полуштофа, и даже до меня, на расстоянии двух сажен, то и дело доносятся острые струйки перегару, смешиваясь с запахом реки и береговой зелени.

– Кабы выпил я, – говорит Тюлин в раздумье, – а то не пил.

Голова его опускается еще ниже.

– Давно не пью я... Положим, вчера выпил...

И опять Тюлин погружается в глубокое раздумье.

– Кабы много... Положим, довольно я выпил вчера... Так ведь сегодня не пил!

– Так это у тебя, видно, с похмелья, – пробую я вывести его на настоящую дорогу.

Тюлин смотрит на меня долго, серьезно и чрезвычайно вдумчиво. Догадка, очевидно, показалась ему не лишеною основания.

– Разве-либо от этого. Нонче немного же выпил я.

Пока таким образом Тюлин медленным, мучительным, но зато верным путем подходил к истинной причине своих страданий, мужик на той стороне окончательно лишился голоса.

– Тю-ю-ю... – чуть слышно летело оттуда, из-за шороха речных струек.

– Разве-либо от этого. Это ты, братец, должно быть, верно сказал. Пью я винище это, лакаю, братец, лакаю.

IV

Между тем тщетно вопивший мужик смолкает и, оставив лошадь с телегой на том берегу, переправляется к нам вместе с Иванком, для личных переговоров. К удивлению моему, он самым благодушным образом здоровается с Тюлиным и садится рядом на скамейку. Он значительно старше Тюлина, у него седая борода, голубые, выцветшие, как и у Тюлина, глаза, на голове грешневик, а на лице, где-то около губ, ютится та же ветлужская складка.

– Страдаешь? – спрашивает он у перевозчика с улыбкой почти сатирической.

– Голову, братец, всё разломило. И от чего бы?

– Винушка поменьше пей.

– Разве-либо от этого. Вот и проходящий то же баит.

– А лодку у тебя, гляди, унесет.

– Как не унести. Просто-таки и унесет.

Оба смотрят несколько времени, как вздрагивает, точно в агонии, опрокинутая лодка.

– Давай паром, што ли, – ехать надо.

– Да тебе надо ли еще ехать-то? Чай, в Красиху пьянствовать?..

– А ты уж накарсился...

– Выпито. Голову всё разломило, беды! А ты, может, лучше не езди.

– Чудак! Чай, у меня дочка там выдана. Звали к празднику. И баба со мной.

– Ну, баба, так, стало быть, не миновать ехать, видно. Э-эх, шестов нет.

– Как нет? Чё хлопаешь зря? Эвона шесты-те!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.